

Динамика социальных и культурных процессов

Вопросы для обсуждения:

1. Региональные, страновые и поселенческие различия и сходные черты в социальном и культурном развитии пореформенной России.
2. Взаимодействие экономических, политических и культурных факторов а развитии регионов.
3. Роль культурных процессов как факторов модернизации, урбанизации, развития рыночных отношений, сдвигов в массовом ценностном выборе в России и ее регионах; развитие социокультурных групп.
4. Отношения "Центр—периферия" в социокультурной динамике постсоветского пространства.

Ведущие секции — ведущий научный сотрудник Института социологии РАН,

кандидат психологических наук В.С.Магун и ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, кандидат философских наук А.С.Ахиезер

**Ю.А.ЛЕВАДА,
доктор философских наук,
ВЦИОМ**

Социально-пространственная структура российского общества: центр и регионы

Актуальные и принципиальные аспекты "регионализации" России. Развитие социально-политической ситуации в период избирательных кампаний 1995—1996 гг. придает ситуативную остроту "извечной" и чрезвычайно глубокой проблеме специфической социально-пространственной структуры страны. Как это обычно бывает в условиях кризисных разломов, латентные структуры выступают на поверхность, скрытые — приобретают очевидность (которая, впрочем, бывает обманчивой). Современная "регионализация" предстает прежде всего продуктом распада централизованной экономики и государственно-политических структур, нараставшего практически непрерывно с начала 90-х годов. Этот процесс, естественно, стимулирует тенденции локальной самоорганизации различных социальных, экономических, коммуникативных и властных структур. Кроме того, постоянные попытки союзного, а потом российского политического руководства сохранить влияние административные регионы в этих условиях постоянно приво-

дили к усилению локальных элит и привилегий (конституированных, в частности, в верхней палате нынешнего парламента).

Данные многочисленных исследований ВЦИОМ позволяют оценить некоторые направления современной регионализации российской общественной жизни, поскольку они действуют и могут фиксироваться на массовом уровне. Местным властям доверяют больше, чем центральным, местные телепрограммы смотрят, а местные газеты читают чаще, чем московские. Для значительной части населения реальности "местной" жизни, отношения с местной администрацией, содержание местных СМИ и т.д. заметно более важны, чем отношения с отдаленным (точнее, принадлежащим иному социополитическому и социокультурному измерению) центром. Опросы показывают, что растет и локальная идентификация населения: люди чаще связывают себя с "малой родиной", т.е. местом, где они родились и выросли.

В этом можно видеть неизбежный результат крушения принудительного жестко централизованного единообразия жизни и интересов, навязанного обществу. Но также и то, что эта внешне жесткая стандартизация нормативных образцов никогда не была на деле всеобъемлющей и всемогущей: под покровами — или даже под прикрытием — заданных "центром" шаблонов поведения и сознания во все времена действовали иные, повседневные, в большой мере укорененные в обыденном поведении образцы и ориентации. При этом дело не в тех или иных собственно "местных" особенностях быта, культуры, этничности и прочего, а в различии нормативно-ценностных образцов, принадлежащих разным социокультурным слоям или типам. В России, включая советский период, - эта разнослойность всегда имела свое пространственное "геосоциальное" измерение.

Самое очевидное проявление регионализации сейчас — "покраснение" российского политического пейзажа, притом преимущественно периферийного.

Получается, что сторонники реформистских сил находятся в большинстве в столичных городах, на Северо-Западе, в республиках Поволжья и Дальнего Востока; на территориях остальных субъектов федерации преобладают антиреформистские ориентации (табл. 1). За 1993—1995 гг. доля голосов, поданных за КПРФ, почти повсеместно увеличилась в 1,5—2 раза, единственным исключением является Москва, где электорат коммунистов не вырос (20,6% в 1993 г. и 21,1% в 1995 г. — от числа голосовавших). Создается картина сжимающегося "красно-консервативного" Кольца вокруг Москвы, С.-Петербурга и еще немногих "демократизированных" очагов в стране, охваченной ретроградными настроениями, некоей электоральной "всероссийской Вандеей". Ото-

Таблица 1

Соотношение голосов основных политических течений на выборах по партийным спискам в Государственную Думу 17 декабря 1995 г. (В % к числу участвовавших в голосовании; данные Центризбиркома.)

Регионы	"Реформисты" *	Консерваторы **
<i>Север и Северо-Запад</i>		
области	57,4	49,3
республики	54,1	45,7
<i>Центральный</i>		
	42,8	56,7
<i>Волго-Вятский</i>		
области	44,0	55,7
республики	34,1	66,1
<i>Центрально-Черноземный</i>		
	28,5	71,2
<i>Приволжский</i>		
области	37,0	63,8
республики	59,6	40,9
<i>Северный Кавказ</i>		
края, области	35,0	65,5
республики	42,9	57,3
<i>Урал</i>		
области	52,7	47,3
республики	40,9	59,1
<i>Западная Сибирь</i>		
края, области	36,2	63,7
республики	59,5	40,1
<i>Восточная Сибирь</i>		
края, области	43,0	57,2
республики	40,1	59,0
<i>Дальний Восток</i>		
края, области	41,0	59,2
республики	49,6	50,6
С -Петербург	67,6	32,6
Москва	69,3	31,0

* Центристы и демократы

** Коммунисты и национал-патриоты

бражения этой картины составляют фон президентской избирательной кампании.

Сопоставим сводные результаты мониторинговых исследований 1994—1995 гг. по двум позициям — оценке респондентами сложившейся жизненной ситуации и отношению к продолжению экономических реформ (табл. 2).

Таблица 2

**Оценки ситуации и отношение к реформам
(в % к числу опрошенных; объединенный мониторинг 1994—199S гг.;
данные о затруднившихся с ответом не приводятся)**

Регионы	"Можно жить"	"Можно терпеть"	Терпеть невозможно"	Реформы		Число опрошенных
				продолжать	прекратить	
Москва	17	52	25	46	18	1688
С -Петербург	18	45	27	39	16	792
Север и Северо-Запад	11	45	34	35	22	1848
Центральный	10	50	31	29	29	4046
Волго-Вятский	9	59	26	31	28	1642
Центрально-Черноземный	6	50	40	18	36	1528
Северо-Кавказский	11	50	34	34	29	1697
Поволжский	11	52	32	31	28	2943
Урал	9	50	34	29	24	2832
Западная Сибирь	8	46	42	27	34	1876
Восточная Сибирь	10	48	36	26	33	1617
Дальний Восток	8	45	39	31	31	1518
Всего	10	49	34	30	29	26809

Отметим некоторые особенности распределения показателей в табл. 2. (Данные объединенного мониторинга не являются строго репрезентативными в рамках указанных регионов, а лишь позволяют представить характерные тенденции.) Наиболее распространенный во всех регионах средний показатель оценки ситуации "жить трудно, но можно терпеть" в то же время наиболее стабилен для различных регионов. Сильнее различия в крайних оценках, которые в значительной мере коррелируют с отношением к экономическим реформам.

В свою очередь, это отношение может быть соотнесено с наличием или отсутствием у соответствующей группы возможностей для активной адаптации к реалиям современной жизни (табл. 3).

Как можно полагать, детерминирующим фактором оптимистической оценки своих перспектив в данной ситуации служит наличие возможностей,¹ которые характерны скорее для развитых регионов и крупных городов.

Фактор урбанизации. Официальные данные Избиркома не позволяют учесть особенности голосования городских и сельских жителей. В значительной мере влияние реформаторских ориентаций в России, несомненно, связано с урбанизационными факторами (табл. 4).

Таблица 3

Сможете ли Вы найти свое место в новой экономической системе!
(В % к числу опрошенных по региону; N=2551 человек; ноябрь, 1995 г.)

Регионы и типы поселений	Да*	Нет**	Затруднились с ответом
Север	20	43	37
Северо-Запад	33	42	25
Центральный	25	45	30
Волго-Вятский	15	56	29
Центрально-Черноземный	27	56	17
Поволжский	24	59	17
Северно-Кавказский	30	43	26
Урал	25	35	39
Западная Сибирь	21	50	28
Восточная Сибирь	32	43	25
Дальний Восток	22	48	30
Москва и С -Петербург	25	46	29
Большие города	24	46	30
Малые города	20	51	29
Села	25	47	28
Доля в общей численности опрошенных	36	42	22

* Сумма ответов "да" и "скорее да".

** Сумма ответов "скорее нет" и "нет".

Население крупных городов и агломераций значительно более демократически развито и ориентировано, чем "традиционно-советские" сельские регионы и поселки, что постоянно подтверждают и опросы общественного мнения. Но это справедливо прежде всего по отношению к урбанизационным процессам интенсивного, "европейски"-цивилизированного типа, которые формируют развитую со-

Таблица 4

Урбанизованность и оценки ситуации
(в % к числу опрошенных; N=26809 человек; 1995 г.)

Суждения	Всего	Москва и С -Петербург	Большие города	Малые города	Села
"Можно жить"	10	17	11	9	7
"Можно терпеть"	49	50	47	50	50
"Терпеть невозможно"	34	26	35	34	36
Затруднились с ответом	7	7	7	7	7
Реформы..					
продолжать	30	42	34	29	23
прекратить	29	18	27	29	34
Затруднились с ответом	11	38	40	42	43

циокультурную урбанизованную среду¹. Иные ситуации возникают как следствие чисто экстенсивной урбанизации, характерной для одностороннего индустриального — собственно, военно-промышленного или топливно-сырьевого роста, приводившего к возникновению поселений типа гигантских рабочих поселков без диверсификации типов занятости, без развитой коммуникативной и культурной инфраструктуры и т.д. Наиболее острые напряжения сейчас возникли именно в таких "гиперурбанизированных" (на деле — примитивно, формально урбанизированных) регионах Дальнего Востока и Сибири.

Следует учесть, что различные уровни урбанизационных процессов не составляют особых, тем более организованных и юридически оформленных субъектов государственно-политической системы; такими оказываются региональные субъекты федерации.

Потенциал протеста в пространственном измерении. Оценка населением возможностей массовых протестов против экономической политики властей обнаруживает некоторые "географические" особенности. Обратимся к данным объединенного мониторинга (см. табл. 5).

Таблица 5

Насколько возможны...

(в % к числу опрошенных по региону; объединенный мониторинг 1994—1995 гг.; N=26809 человек; данные о затруднившихся с ответом не приведены)

Регионы	...массовые выступления?		...Ваше участие в них?	
	возможны	маловероятны	скорее, да	скорее, нет
Москва	38	49	10	80
С -Петербург	34	53	11	78
Север и Северо-Запад	23	57	23	58
Центральный	25	59	24	60
Волго-Вятский	24	58	23	60
Центрально-Черноземный	25	56	22	61
Северо-Кавказский	28	57	25	62
Поволжский	25	56	20	62
Урал	30	53	25	55
Западная Сибирь	28	58	22	65
Восточная Сибирь	30	53	29	52
Дальний Восток	36	50	37	48
Всего	28	55	24	60

¹ См.: Долгий В.М., Левада Ю.А., Левинсон А.Г. Урбанизация как социокультурный процесс: Урбанизация мира // Вопросы географии. Сб. 96. М., 1974.

В основном, региональные показатели довольно близки друг к другу. Несколько выделяются заявленной готовностью участвовать в протестах регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока — регионы однобокой военно-промышленной урбанизации с преобладанием антиреформистских настроений. Причем только на Дальнем Востоке показатель готовности участвовать в выступлениях столь же высок, как показатель возможности таких выступлений. В то же время недовольные реформой Черноземье или Северный Кавказ не выказывают "вышесредней" готовности к протестам. В Москве и С.-Петербурге ожидание протестов выражено сильнее, но готовность принимать в них участие — гораздо слабее, чем в других регионах. Видимо, дело в разной природе этих показателей: в столицах тревожные ожидания связаны скорее с политизированной атмосферой, чем с социально-экономическим положением предприятий и работников. Это встревоженность "идеологическая", а не социальная.

"Центр" и "периферия" в социально-пространственной структуре. Несколько замечаний общетеоретического порядка. Функциональное обособление центральных и периферийных структур в том или ином виде присуще различным обществам¹. Принципиальная схема отношений — конечно, в предельном упрощении — выглядит примерно так: "центр" задает нормативно-ценностные образцы, цели и рамки жизнедеятельности, "периферия" исполняет адаптивные функции. В качестве "центральных" структур могут выступать правящие и культурные элиты, социальные институты. Пространственная локализация центра в подобных моделях не обязательно значима (скорее, как это обычно бывает в функционалистских социальных концепциях, работают аналоговые модели физиологического или нейрофизиологического происхождения: центральная и периферийная нервная система). В развитых обществах функции центра и периферии вообще могут не быть локализованы географически, во многих старых и новых государствах политико-административные, экономические, культурные центры различны. В России же на протяжении последних столетий происходит разворачивание, раскладывание социальных структур в географическом пространстве. Это связано не только с протяженностью и соответствующим временем коммуникаций, но также с запоздалой и государственно-централизованной модернизацией. Отсюда, в частности, совмещение и жесткая "столичная" локализация экономического, административного и культурного центра в обществе. Но отсюда и характерный феномен всех глубоких институциональных кризисов российского общества — обнажение и трансформация социально-пространственных связей, прежде всего их осевой центр-периферийной структуры

¹ См статью Э Шилза в книге Американская социология М, 1970

Последний по времени такой кризис развивается с начала 90-х годов, т.е. после того, как был исчерпан потенциал централизованной "горбачевской" перестройки, осуществлявшейся по канонам государственной модернизации. Этим канонам соответствовали характер самого процесса директивной трансформации (сверху вниз, от центра к периферии), концентрация сил властвующей элиты и ее символического подкрепления (демонстративная элита, масскоммуникативная, "перестроечная" интеллигенция), наконец, довольно широкий фон безальтернативной эмоциональной поддержки. Демонстративное низложение партийной номенклатуры во многих регионах в период выборов 1989—1990 гг. — наиболее заметный, на деле последний шаг в этой фазе трансформации общества. В данном случае нет нужды обсуждать истоки ограниченности действовавшего централизованного трансформационного механизма ("революции сверху"), отметим лишь, что все разнонаправленные инициативы последующего периода пытались опереться на региональные и центробежные силы ("против верха"). Таким можно считать и "парад суверенитетов" (за лидерство в котором боролись тогда Б.Н.Ельцин и КПРФ), и дополнявший его "новоогаревский процесс" 1991 г., приведшие суммарно к распаду Союза ССР. Экономическая реформа Гайдара, сломав систему централизованного плано-распределительного хозяйства, неизбежно открыла шлюзы для "низовой" самоорганизации экономики и региональной жизни. (Нынешняя сверхконцентрация капиталов и банков в Москве не означает их централизации, столица выступает не в качестве "верха", а скорее как наиболее готовая стартовая площадка (и субъект) все той же регионализации.) Преследовавшие как будто центростремительные цели акции властей — от авторитарного конституционного законодательства до авторитарнейших средств "восстановления конституционного строя" в Чечне — своим результатом имеют реальное ослабление центра и усиление центробежных тенденций. И, наконец, "восстание" консервативных по своим политическим симпатиям регионов против "реформаторского центра" ("Вандея") — по типу это тоже процесс регионализирующий. Вопрос в том, куда направлен и к чему может привести этот процесс.

Кстати, в слабодифференцированной и центростремительной структуре советско-российского общества элитарная мобильность во всех сферах деятельности означала приближение к универсальному центру — принятие, одобрение и прочее, реализуемые через параллельные каналы партийного "лифта". Притом сама эта однонаправленная вертикаль становилась самоценной, более того, предельной ценностью. В заданных этим условиях происходило постоянное отсасывание человеческих ресурсов в центр, ориентированный на выживание, а потому неспособный к самовоспроизводству.

Концентрируясь в "черной дыре" центра, элитарные группы обрекали себя на взаимоуничтожение, бесплодие, и ввиду этого постоянно нуждались в притоке новых сил. Эта закономерность выдвижения и вырождения сохраняла свое значение в советский и постсоветский периоды. Сейчас можно видеть, что судьбу "застойно"-советских элитарных групп разделила и первая ("перестроечная") волна постсоветской элиты.

Пространственная структура и субстрат. Развернутая в пространстве структура общества неизбежно обнажает не только его текущие связи, но и его "корневую систему", прежде всего, типы сочетания официальных структур с повседневными, современных — с предшествующими. Так, на советских социальных просторах можно было наглядно представить особенности "советско-российского", "советско-азиатского" и "советско-западного" типов общества и общественного человека, отличавшихся именно характером субстрата, на который накладывался общий шаблон. В регионах исламской или клановой, тейповой и других культур такой субстрат составляли системы традиционных локальных, межличностных и межгрупповых отношений. Советский "Запад" в основном, регионы индивидуалистической протестантской культуры и с несколько более коротким — разница в одно поколение — периодом советизации. В собственно же российских или русифицированных регионах, составлявших основу всей советской социетальной структуры, в качестве субстрата можно было рассматривать только структуры межличностной повседневности и закрепленные в них нормативно-ценностные рамки. Именно здесь в результате многочисленных итераций "советские" авторитарно-патерналистские и — на последних стадиях — умеренно-толерантные рамки жизни оказались наиболее приближенными к ограниченности запросов, а потому и наиболее жизнеспособными. И именно они составили тот социальный и человеческий субстрат, который воспринимает или отторгает веяния, исходящие из "центра".

Сегодня этот "советский" субстрат в значительной мере определяет пределы демократии, возможной в постсоветском российском обществе. Видимый успех эмоциональной демократической волны конца 80-х годов объясняется скорее слабостью и дискредитацией официального слоя общества (то же вырождение элиты), чем готовностью "субстрата" к восприятию радикальной модернизации. Не создав сколько-нибудь устойчивой институциональной структуры, отечественная демократия — как тенденция, а не как движение или организация — оказалась зависимой от состояния "всероссийской массы" настроений и голосов. Нескончаемые издержки реформ и просчетов властей не создают, но усиливают эту зависимость.

Таблица 6

Отношение к восстановлению бывшей коммунистической системы
(в % к числу опрошенных по региону; январь, 1996 г.; N=2426 человек;
данные о затруднившихся с ответом не приведены)

Регионы	Согласны	Не согласны
Москва и С-Петербург	20	79
Север	38	59
Юг	47	52
Предуралье и Урал	29	66
Сибирь и Дальний Восток	43	54
Северный	23	74
Северо-Западный	27	73
Центральный	35	63
Волго-Вятский	44	52
Центрально-Черноземный	52	48
Поволжский	35	62
Северо-Кавказский	48	52
Уральский	28	67
Западно-Сибирский	38	62
Восточно-Сибирский	41	53
Дальний Восток	51	42
Большие города	28	69
Малые города	39	58
Села	48	50
Доля в общей численности опрошенных	37,5	59,8

Конечно, никакая теоретическая функциональная схема не исчерпывает и не определяет реальные варианты социально-политического развития в конкретный период; можно лишь с известным приближением судить о более или менее вероятных рамках таких вариантов. Принципиальный предмет общенационального, не зависящего от намерений и настроений лидеров и электоратов, выбора сейчас в том, в какой мере и в какой форме могут быть восприняты в российском социально-политическом пространстве результаты перемен последнего десятилетия. На этом поле решается вопрос о выигрыше, проигрыше, разгроме, "реванше" и т.д. различных сил.

Имеющийся в распоряжении исследователей общественного мнения эмпирический материал позволяет судить о том, что в стране доминируют настроения политического протеста, но не готовность к восстановлению партийно-советского режима (табл. 6) Кем и как будут использованы такие настроения — вопрос для электората и политических сил.